

Майская ночь

Category: Goşgular, Kitarpıy
написано kitarpıy | 26 января, 2025
Майская ночь МАЙСКАЯ НОЧЬ

МУЗА.

Спой песню, мой поэт, коснись меня устами!
Сегодня, в эту ночь, рождается весна:
Шиповник уж цветет; душистыми ветрами
От юга веет к нам; поляна зелена
И птички вешняя гнездятся под кустами.
Спой песню, мой поэт, коснись меня устами!

ПОЭТ.

Какая там, в долине, тьма!
Я видел тень: из-за холма
Она таинственно предстала,
Неслась по зелени лугов,
В лесу мелькала меж деревьев,
И вдруг – опять ее не стало...

МУЗА.

Спой песню, мой поэт. Вот ночь, благоухая,
Колеблет свой покров над сонною землей
И роза, над жучком листочки замыкая,
С заботой нежною поит его росой.
Послушай, что за тишь! Припомни образ милой,
Лети в объятия в ней мечтою легкокрылой!
Сегодня на реке вечерний луч потух
Так нежно, будто он томился от разлуки,
И в воздухе ночном лобзаний тают звуки,
Как будто в нем любви парит незримый дух.

ПОЭТ.

Зачем печаль меня, томит
И сердце бьется и щемит,
И грудь так тягостно вздыхает?
Кто там за дверью у меня?
И лампа тусклая моя
Зачем тревожно так пылает?
Вот мерно, глухо в тишине
Часы пробили на стене...
Вот будто голос недалекий
Коснулся слуха моего...
Кто там? Молчанье. Никого...
О, я несчастный, одинокий!

МУЗА.

Спой песню, мой поэт! Броженье молодое
Природу в эту ночь волнует и томит,
Желаньями любви сгарают все земное,
И страстью бурною вся кровь моя кипит.
Когда-То для тебя прекрасною была я,
Прекрасна и теперь,— взгляни ты на меня...
Иль, милый, ты забыл, как некогда, рыдая,
Ты пал ко мне на грудь, и тихо, осеня
Тебя своим крылом, я тучи разогнала,
Когда, еще дитя, ты начал горевать?
О, дай мне поцелуй... Мне жить осталось мало,
Молитвы я прошу, чтоб утро увидеть.

ПОЭТ.

Не твой-ли голос музыкальный
Я слышу, Муза? Мой цветок!
Моя богиня! Твой печальный
Питомец нынче одинок.
О, неизменная, родная,
Одна мне близкая теперь,
Войди, ласкаясь и блистая,
И душу светом наполняя,

В мою покинутую дверь!

МУЗА.

Спой песню, мой поэт! То – я, твоя подруга.
Я видела с небес, как был печален ты,
Снедаемый тоской сердечного недуга,
И я в тебе сошла с лазурной высоты.
Страдалец мой, я здесь! Я знаю, тайной боли
Душа твоя полна. Не снова-ль, милый мой,
Манит тебя любовь, как призрак лучшей доли,
Как отблеск радости мелькая пред тобой?
Иди, мы воспоем минувшие тревоги
И счастья светлаго утраченные дни;
Волшебной силою, могучие, как боги,
В тумане прошлого засветим мы огни.
Чего желаешь ты? Веселья, славы звуки
Мы тотчас вызовем на лире? Хочешь: в даль
Умчимся в уголок, где нет терзаний скуки
И где забвением врачуется печаль?
Куда мы полетим? Весь мир открыт пред нами:
Вон там – Италия в полуденном огне,
Вдали – Шотландия с зелеными холмами,
Там – горы Греции, синяя в тишине,
Глядятся с высоты в кристальные заливы...
О, чудная страна! О, мой родимый край!
Откуда-ж мы возьмем волшебные мотивы
Для песен и молитв? Решайся, выбирай:
О том-ли будем петь, что ангел безмятежный
Тебе нашептывал сегодня в полусне,
Когда в окно сирень вливала запах нежный,
И ранние лучи играли на стене?
Блестящие полки пошлем-ли в бой горячий?
Надежду-ль окрылим? Упьемся-ли слезой?
Любовника-ль взведем по лестнице висячей?
Замылим-ли коня под вихрем и грозой?
Подняв-ли к небесам задумчивые взгляды,

Мы будем петь Того, кто в благости своей,
В лазури засветил несчетныя лампы,
Кто жизни и любви вливает в них елей?
В морскую-ль глубину проникнем, где кораллы
И жемчуг мы сорвем с таинственного дна?
За смелым-ли стрелком взберемся мы на скалы?
Пред ним трепещет лань; испуганно она
Со взором жалобным взывает о пощаде;
Овраг ее манит, детеныши зовут...
Стрелок ее сразил, а жадныя к награде
Собаки, собрались над жертвою и ждут,
И сердце теплое охотник им бросает.
Воспеть-ли деву нам? Стыдлива и стройна,
Она еще едва для счастья разцветает;
Вот с нежной матерью в собор идет она;
За ними юный паж. С тревогою во взгляде,
Красавица, забыв молитву и собор,
Внимает, как звучит в церковной колоннаде
Поспешный бег коня и эхо звонких шпор...
Призвать-ли, с копьями и в блеске арматуры,
Героев Франции на башни старых стен?
Иль пусть поют романс родные трубадуры,
Слагая гимн любви, оплакивая плен?
Элегии в тебе призвать-ли образ бледный?
Иль Ватерлооского героя оживить,
Который тьмы людей рукой своей победной
По прихоти своей решился погубить?
Но в славному вождю явился вестник ночи,
Он гордаго низверг одним ударом врыл,
Сомкнул ему навек воинственные очи
И руки на стальной груди его сложил.
Иль имя низкое зоила-памфлетиста
К позорному столбу мы грозно пригвоздим,
Чтоб он отравою ругательства и свиста,
В безвестности своей забыт и невредим,
Не смел у гения тревожить вдохновений
И лавры обгрызать на избранном челе!..

Спой песню, мой поэт! Смотри – от дуновений
Весенних я лечу... Остаться на земле
Мне трудно... Час настал, час дум и песнопений,
О! дай мне хоть слезу!.. Теряюсь я во мгле...

ПОЭТ.

О, если ты одних лобзаний
Иль слез желаешь от меня, –
Подруга, верь, без колебаний
Их дам тебе от сердца я.
Когда утонешь ты в эфире,
Когда на небе будешь ты,
Припомни, как тебе на лире
Вверял я сладкия мечты!
Уж я, увы, не воспеваю
Ни грез, ни славы, ни любви;
Не слышу жизни я в крови
И даже зло не проклиная;
Не льется речь, и я в тиши
Внимаю лепету души.

МУЗА.

Но что-ж ты думаешь? Что я, как вихрь осенний
С могил собираю скорбь и жадно слезы пью,
Блуждая по стопам печальных привидений?
А нежный поцелуй, – не я-ль тебе даю?
Нет! Сорная трава, которую хотела
Я с корнем истребить, то – лень твоя, мой друг.
И если в старину душа твоя болела,
Раскрой и обнажи мучительный недуг.
Чем выше человек, тем путь его опасней;
Поэт, свою печаль безследно ты не прячь!
Отчаяния песнь едва-ль не всех прекрасней,
Есть песни дивныя, похожая на плач.
Ты знаешь – пеликан, когда он прилетает
В вечернем сумраке к оставленным птенцам,

Вся жадная семья на берег выбегает,
Отца издалека зовет знакомый гам
Измученных детей. Избрав утес высокий,
Питомцев осенив повиснувшим крылом,
Он в небо темное вонзает взор глубокий,
И льет густая кровь дымящимся ручьем
Из груди жалкаго кормильца-рыболова!
Нет корма у него, напрасно он искал
Добычи в камышах, вдоль берега морского
И в черной глубине за цепью синих скал.
Он сердце лишь свое принес для насыщенья
Любимых им детей, и молча делит он
Свою всю внутренность. Не чуя истощенья,
Голодную толпой задавлен, окружен,
Он нежностью своей печаль свою смягчает!
Так жертва чистая, пируя свой конец,
Свою живую грудь для близких он терзает;
Бывает иногда, что любящий отец,
Усталый умирать от пытки непосильной,
Решительный удар себе наносит сам.
Тогда несется крик в ночной тиши могильной –
Его последний вопль по темным берегам.
Он страшно так звучит, что путник запоздалый
Невольно крестится, и в разные концы
Все птицы прячутся от песни небывалой:
Так плачут, мой поэт, великие певцы!
Они дают шуметь толпе самодовольной,
Пока не призовут ее к себе на пир,
Но полон горечи звук песни их застольной,
Они, как пеликан, собой питают мир.
Не тешится толпа их скорбными репами:
От них, как от меча, сверкает полоса,
Змеясь по воздуху волшебными огнями,
Но каплет из нея кровавая роса.

ПОЭТ.

О, ненасытная! Не в силе
Я петь больной, горя от ран.
Зачем чертить слова на пыли,
Когда несется ураган?
Исчезла юность, золотая,
Когда, безпечно разцветая,
Я песни чудные слагал.
С тех пор-же столько я страдал,
Что еслиб вызвал вдохновеньем
На лире горечь этих дней,
То, возгорясь ожесточеньем,
Порвал бы струны я на ней! Goşgular